

Наталья Росин

Дом, в котором я тебя потеряла

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Р75

Росин, Н.

Р75 Дом, в котором я тебя потеряла / Н. Росин. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 212 с.

Вот уже пятнадцать лет Алису Белозерскую мучают вопросы о прошлом. Откуда на ее теле шрамы? Кто хотел убить её в детстве? Почему она ничего не помнит? И кто виновен в пожаре, унесшем жизни её отца и матери?

В поисках ответов Алиса решает вернуться в Карелию, в семейный дом, в котором она потеряла всё. Вот только старые призраки не дадут ей так просто разобраться, где сон, где воспоминания, а где — правда.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

© Росин Н., 2023
© Росин Н., оформление, 2023
ISBN 978-5-521-91942-0 © Т8 Издательские технологии, 2023

1 глава АЛИСА

24 июня 2004 года

Той ночью в лагере Алиса проснулась от непонятного толчка в груди. Она сонно открыла глаза и прижала ладошку к самому сердцу, пытаясь успокоить его. Вокруг стояла тьма и тишина. На какое-то мгновение Алиса подумала, что находится совершенно одна в комнате. Но спустя минуту она стала различать звуки — мерное дыхание Регины, соседки по комнате, и шум ветра за окном.

Алиса села в кровати, оглядываясь вокруг. Она пыталась понять, из-за чего сердце так зашло в ужасе? Ветки деревьев били по стеклу. Где-то вдалеке с чудовищной силой загремел гром. И Алиса с наслаждением вслушивалась в эти дикие, необузданные звуки.

— Это мне не страшно, — прошептала она сама себе. — Это я радуюсь?

Ликую. Она вспомнила это слово, ещё новое для неё, услышанное недавно от Веры Павловны, учительницы по литературе. «Ликование души», — повторила про себя Алиса, смакуя звуки нарастающего грома. Грохотанье разбудило и Регину. Захныкав, она перевернулась на другой бок и вновь спокойно заснула.

Комнату заполнил запах разряженного воздуха, смешанного с ароматом карельских сосен и вод Мергубского озера, на берегу которого стоял их лагерь. Алиса улыбнулась, подтягивая к подбородку одеяло. Она чувствовала себя тайной свидетельницей чего-то совершенно чудесного и неповторимого. Все спали, и только она подсматривала за природой, вдыхала этот преддождевой запах и слушала раскаты грозового хохота.

На мгновение грохотанье остановилось. Все звуки словно выключили, и сама Алиса прекратила дышать. Мелко застучал по окнам и карнизам дождь, с каждой минутой всё увереннее перерастая в ливень. Алиса задрала голову, радостно и замороженно глядя, как крупные капли стекали по стеклу, подсвечиваемые светом фонаря. Пахло хорошо, и под одеялом так уютно и тепло, особенно в такой сильный ливень.

Алиса нырнула с головой под одеяло, устраиваясь в кровати поудобнее. Через минуту она уже сладко спала с застывшей на губах улыбкой, предвкушая чудесное, полное приключений утро.

На следующий день, возвращаясь с вечерней прогулки в лес, Алиса издалека заметила у лагеря тетю Веру. «Они приехали навестить меня?» — Радостно подумала девочка, ускоряя шаг. Она подбежала к тете, не переставая выглядывать маму и папу среди приезжих. Но приблизившись к Вере почти вплотную, Алиса сразу поняла, что случилось что-то пло-

хое. Тетя стояла белая и застывшая, словно высеченная фигура из льда.

— Где мама и папа? — спросила Алиса.

Но тетя только покачала головой, закусив нижнюю губу. В её глазах стояли слезы.

— Их больше нет, — слова гулко упали в воздух.

В эту ночь её родители погибли в пожаре, и жизнь Алисы изменилась навсегда.

* * *

15 лет спустя, май 2019 года

Я медленно вдавила кончик сигареты в дно пепельницы. Перегнувшись через ограждение балкона, в сотый раз оглядела улицу. Внутри затаилась надежда всё же выцепить из темноты очертания знакомой фигуры. Но безуспешно. Только дети, бегущие домой, женщины с двумя сумками в руках и усталые чужие мужья.

Закутавшись в застиранную кофту, я с тоской слушала, как соседи снизу бурно выясняют отношения, как со свистом проносятся машины по дороге и как где-то вдалеке разбилась бутылка. Ненавижу этот город. И какой дьявол сподвигнул нас снять комнату здесь?

Я поехала от отвращения, разглядывая серое месиво многоэтажек. И перед глазами вместо них вновь возникали высокие, многовековые сосны Карелии.

Невольно вырвался вздох. Я с тоской вспомнила дом. И рука вновь потянулась к сигаретам. Когда-нибудь у меня хватит сил просто взять и бросить, но сейчас мое брэнное тело со страстью присосалось к никотиновой заразе. Я подняла голову к небу. Звезд не видно — только полярная звезда с неутомимой яркостью поблескивала издалека.

— Привет, родная, — тихо поздоровалась я с ней, — двадцать три года знакомы.

Становилось всё холоднее, но я только сильнее обнимала себя за плечи, не желая возвращаться в комнату и снова смотреть на часы. И ходить по комнате, прислушиваться к звукам с лестничной площадки, замирать каждый раз, когда поднимался лифт, думая, что это он едет ко мне. Лучше здесь, на балконе, где, несмотря на всю ненависть к этому городу, я всё же чувствовала себя не так одиноко.

Взгляд безудержно выискивал его фигуру, и я со злостью одергивала себя, замечая отчаянную надежду внутри. Успокойся, истеричка. Не происходит ничего страшного. Он просто решил снова похулиганить и выпить с Женькой. От этого мир не рухнет и солнце на западе не взойдет. Но рука нервно хватывала из пачки уже пятую сигарету за час.

Я стойко простояла еще полчаса на ветру, ожидая, что балконная дверь внезапно откроется и меня обхватят руки Тимура. Воображение настолько услужливо показывало эту картину, что я действительно спиной почувствовала движение. И резко оглянулась. Но сзади никого не было. От досады выступили слёзы. Просто дура, что еще тут сказать.

Сколько я себя помнила — безумно боялась прощания. Как же мы легко прощаемся. Кивок, улыбка, взмах руки, поцелуй в щеку, «ну, давай». Меня всегда это пугало и заворачивало. Почему люди не боятся, что этот кивок будет последним прощанием? Хотя... Я тоже когда-то не боялась. И другие люди вряд ли прощались навсегда, в отличие от меня.

Не выдержав мороза, я всё же вернулась в теплую темноту комнаты. Съежившись в кресле, замерла, слушая, как стучат стрелки часов. Ненавижу. Надо бы просто встать и выкинуть их, наконец. Но всё никак рука не поднималась. Сейчас посижу ещё минутку и вышвырну чёртовы часы с балкона.

Очнулась я в том же кресле от стука входной двери, вздрогнув всем телом. Чувствовала себя отвратно — голова раскалывалась от боли, ноги онемели от скрюченной позы, а губы пересохла от курева и жажды. Я попыталась выпрямить ноги и тут же охнула от боли. Руки и спина также покалывали. Да и в целом сон в кресле плохо сказался на моем самочувствии.

Комнату наполнил серый утренний свет. Теперь я могла вдоволь насладиться выражением лица вошедшего Тимура — ох уж эта пьяная и полная ощущения собственной безнаказанности физиономия. Встав в дверях, он сложил руки на груди и смотрел на меня свысока. Притворяется. Я такое определяла сразу. На самом деле места не может найти от стыда, но «истинные джентльмены не показывают своего раскаяния». Спасибо Женьке за гениальную цитату.

— Есть что на ужин? — вызывающе спросил Тимур, чуть покачиваясь.

Я устало зевнула и потянулась за телефоном, чувствуя, как хрустит каждая косточка. На экране высветились цифры — полседьмого утра. Чудненько. Вторая ночь, которую мы ночуем не вместе. Хоть пришел, и на том спасибо. Я невольно почувствовала облегчение и даже радость. Главное, что пришел.

— Ужин уже стух, а вот завтрак еще только ожидается, — спокойно ответила я, стараясь не показывать этого облегчения. Истинные леди не показывают своей радости.

Кричать и устраивать истерику тоже не хотелось. Три года совместной жизни дали понять, что крики бесполезны в лечении подобных эксцессов. Поэтому потянувшись хорошенько, я просто встала и прошла мимо суженого на кухню. Онемение еще не сошло окончательно, и я невольно охнула, когда по ноге пробежались мурашки. Брр.

Первым делом, дойдя до кухни, я набрала воду в чайник и поставила его на плиту. Закоренелый кофеман внутри меня

жаждал кофе и был готов убивать за него. Сзади неуверенно и пьяно топтался Тимур, громко сопя и не зная, что делать. О его ноги терлась Милка, наша серая дворянка, подобранная у подъезда три года назад. Теперь она рисковала быть задавленной.

— Может, спать пойдешь? — не выдержала я, повернувшись к Тиму. — Я разбуджу, как будет всё готово.

— Да не готовь, тебе же на работу скоро, — заплетающимся языком проговорил Тимур.

Надо же, видимо, совесть брала верх над «джентльменскими» качествами.

— Сегодня воскресенье, слава Всевышнему, — я подняла глаза к потолку. И сразу же заметила паутину в углу. Надо бы убрать.

— Хорошо, — кивнул Тим, пьяно моргнув и попытавшись улыбнуться как можно добрее, — я тогда пойду вздремну.

— Отличная идея, — энергично кивнула я.

Тим, шатаясь, вышел из кухни. Чайник засвистел, и я с нетерпением схватила банку с кофе. Спустя минуту мои дрожащие руки уже сжимали кружку с дымящейся черной жидкостью. Я сделала глоток, чувствуя, как кофеин растекается по крови живительным теплом. Боже, ты наградил меня за страдания. На этом подарки судьбы не закончились — раздался раскатистый храп Тима.

Вместе с чашкой я вошла в зал, где и распростёрлось тело любимого. До спальни он не дошел, и теперь вся комната наполнялась запахами перегара, но мне уже было всё равно. Главное, что все теперь дома и всё хорошо. Я почувствовала неожиданное спокойствие после целой ночи в страхе, что больше мы не увидимся. Осталось только тихое утро.

Миновав храпящее на диване тело, я вышла на балкон. В туманной дымке на горизонте едва забрезжил медовый свет встающего из забытья солнца — так мое воображение нарисо-

вало картину рассвета. Но на самом деле всё, что открывалось взору с балкона, — это окна многоэтажки через дорогу. И кусочек серого неба. Я обреченно вздохнула и сделала новый глоток. Что ж, это тебе не окрестности Сортавалы.

И я невольно вспомнила утро в нашем старом доме. Перезвон птиц, шум тарелок доносится с кухни, моя детская комната, пропахшая лавандой и деревом. Я повела носом, представляя всё это с закрытыми глазами, и почувствовала запах искусственного меха моего розового зайца Банни. Да, он неизменно ассоциировался с домом и детством.

Я открыла глаза и нахмурилась, вспоминая, как при отъезде из Карелии мне не дали его забрать с собой. Я вопила как одержимая, рвалась к дому и пинала держащую меня тетю Веру, но её железная рука лишь уверенно вела меня к машине. «Пойдем, Алиса, бабушка ждет тебя», — говорила она спокойно и холодно. Внутри все содрогнулось от воспоминания.

— Банни остался там. Пожалуйста, можно его забрать? — умоляла я уже под конец, устав от собственного крика.

— Мы не можем, — сказала Вера, заталкивая меня в машину. — Он отдыхает дома. Как всё закончится — мы его заберем.

Я поверила ей тогда, но Банни так и остался в доме. Это возникшее воспоминание теперь не давало мне покоя. Почему Вера так не хотела возвращаться за игрушкой? Словно ей не хотелось оставлять мне что-либо напоминавшее о доме. Я потёрла глаза холодными пальцами, стараясь успокоиться.

Зайдя обратно в комнату и сев в кресле рядом с диваном, на котором спал Тимур, подложив под голову сложенные руки, я закрыла глаза, вновь и вновь представляя дом. Таким, каким я его запомнила до пожара.

Небольшой, уютный, спрятанный укромно среди сосен, двухэтажный дом в бежево-коричневых тонах. Эркер с кружевами лепнины, деревянная скамейка на веранде, красная ге-

рань в кашпо, брошенный велик на газоне и игрушки в песочнице. Любимый семейный дом, который строили на века и трепетно хранили для нас, будущих поколений.

Когда машина увозила нас с тетей Верой от дома, я видела его в последний раз. Полусожженным, с пустыми черными глазницами, но продолжающим надежно и крепко стоять, словно прошедший войну солдат. И он до сих пор ждет меня.

Я открыла глаза, судорожно вздохнув. Нет, Алиса, ты не будешь плакать. Достаточно уже слез по гибнувшему наследию. Я ничего не могу с этим сделать. Надо просто смириться и жить дальше. Хотя бы ради нашей семьи.

И всё же в голову закралась мысль попросить Веру сфотографировать дом. Я отбрасывала эту идею, но она продолжала атаковать мою голову. Общения с тетей мне не хотелось, но желание увидеть дом снова победило. «Позвоню завтра», — пообещала я самой себе.

Солнце тем временем поднималось всё выше, и город начинал всё активнее шуметь. Я почувствовала пустоту в желудке. Милка, словно угадав мои мысли, требовательно мяукнула, восседаая на спине неподвижного тела Тимура. Я вздохнула и обречённо поднялась, двинувшись на кухню. Пора уже всех нас покормить.

Я успела не только покормить кошку, но и сама поесть два раза, прежде чем Тимур восстал из параллельного мира. Взлохмаченный, с обострившимися скулами, темными кругами под несчастными голубыми глазами, он с трудом поднялся с дивана, мутно взглянул на меня, мирно поедающую орешки за ноутбуком, и молча скрылся в ванной. Спустя полчаса вышел оттуда почти похожим на себя.

— Привет, — сказал Тим, встав рядом.

Я в ответ кивнула, продолжая смотреть в экран. Говорить с ним мне особо не хотелось. Во-первых, этот разговор обречён на скандал, во-вторых, ничего нового я уже не услышу.